

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В отличие от других русских изданий Эмили Дикинсон, в этой книге стихи расположены не хронологически, а по темам. Это очень старая традиция. По тематическому принципу был составлен уже первый посмертный сборник Дикинсон 1890 года (в который вошла лишь малая часть ее стихотворений), а также большинство последующих — вплоть до середины XX века. Лишь в 1950-е годы Томас Джонсон издал первое научное собрание стихотворений, где предложил и хронологический (предположительно) порядок, и нумерацию стихотворений, которая прижилась и с тех пор широко используется.

Стихи Дикинсон, несмотря на их лаконичность и простоту формы, совсем не просты, а порой даже загадочны. Разделение стихов по темам — шаг навстречу читателю, чтобы он мог постепенно войти в мир этой необычной поэтессы, понять ее сперва хотя бы на первом уровне смысла, и, полюбив, двинулся бы дальше вглубь ее поэзии.

А предложил тематический порядок критик Томас Хиггинсон, первый профессиональный читатель стихов Эмили Дикинсон, с которым она состояла в переписке почти двадцать лет. Он также посоветовал дать названия стихотворениям, и составительни-

ца книги Мейбл Тодд приняла оба предложения. Разумеется, издатель тоже их поддержал.

Идея оказалась удачной: первая книга Дикинсон, напечатанная сначала робким тиражом 480 экземпляров, выдержала одиннадцать переизданий в течение двух лет, и читатели вскоре потребовали все новых и новых стихов.

В этом издании мы не во всем последовали предложениям Хиггинса. Названий стихотворениям мы, конечно, не давали, потому что заголовок — органическая часть стихотворения и право на него принадлежит только автору. Что касается компоновки, то это другое дело: практически все составители так или иначе группируют стихи — если только сам поэт ясно и определенно не объединил их в циклы и книги.

Конечно, стихотворение Дикинсон редко можно отнести только к одной теме. И все же, предлагая какой-то главный или просто более очевидный ее вариант, мы даем возможность читателю самому обнаружить другие темы и мотивы, которые переплетаются в стихотворении, придавая ему движение и драматизм, образуя, как в музыке, аккорды и контрапункты смысла.

Мы надеемся, что читатель, впервые знакомящийся с творчеством Эмили Дикинсон, оценит такое построение книги, призванное помочь легче ориентироваться в ее поэзии. Для более искушенных читателей, желающих сравнить перевод с подлинником, в конце книги дается алфавитный указатель, где приводится первая строка оригинала и его номер по Джонсону.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН — СУДЬБА И СТИХИ

Никто меня не звал — на Бал...

Э. Дикинсон

Судьба Эмили Дикинсон похожа на сказку о Золушке. Это история скромной, никому не известной девушки, в финале сделавшейся принцессой: любимый сюжет популярной литературы и кино, мгновенно доходящий до сердца любого простого американца. Несомненно, в любви широкого читателя к Эмили (поэтессе совсем непростой) «повинны» не только ее стихи, но и этот узнаваемый сюжет, этот архетип, подсознательно влияющий на наше восприятие.

Даже в единственном достоверном изображении Эмили Дикинсон (копии с дагеротипа 1847 года) мы склонны увидеть милые нам черты Золушки — скромность, искренность, доброту и ту прелесть живого ума, которая составляет самую сердцевину этого характера.

Жизнь не была справедлива к Эмили. Ни путешествий, ни замужества, ни своей семьи. Уединенная жизнь в маленьком городке, откуда Эмили практически никогда никуда не уезжала. При необычайном поэтическом даре — полная безвестность; а ведь она знала себе цену — легко ли было такое вынести? Как говорила добрая фея в сказке Евгения Шварца: «Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь».

Фея, Золушкина крестная, в конце концов превратила для нее тыкву в карету и крысу в кучера. А для Эмили и бал, и прекрасный принц случились уже посмертно, за пределами земной жизни...

* * *

Сто пятьдесят лет тому назад произошло, казалось бы, незначительное событие, но оно оказалось одной из самых памятных вех в истории американской литературы. В апреле 1862 года журналист Томас Хиггинсон из Бостона получил письмо от неизвестной ему читательницы. К письму были приложены четыре стихотворения, а начиналось оно так:

«МИСТЕР ХИГГИНСОН, — если только Вы не слишком заняты, скажите, есть ли жизнь в моих стихах?

Мой ум слишком близок к себе самому, он не может ясно видеть, а спросить мне некого.

Если Вы сочтете, что они дышат, и найдете время написать мне, ответом будет моя живая благодарность».

Т. Хиггинсон комментирует: «На конверте стояла почтовая печать „Амхерст“, а само письмо было написано таким странным почерком, как будто автор учился буквам, изучая окаменелые следы, оставленные доисторическими птицами в музее Амхерстского колледжа. Тем не менее письмо ни в коей мере не было неграмотным, наоборот — оно несло отпечаток утонченного, странного и оригинального ума». Странным было многое — и почти полное отсутствие пунктуации (за исключением тире), и написание существительных с большой буквы, как в немецком

или в старом английском языках. Но больше всего удивляло то, что письмо не имело подписи, зато в конверт был вложен еще один маленький конвертик, и вот в этом конвертике сообщалось имя отправительницы, написанное почему-то карандашом.

Такова была первая попытка выйти к читателям, может быть, лучшей из поэтесс, когда-либо писавших на языке Шекспира, — Эмили Дикинсон.

Обратите внимание на то, как автор письма с первой же фразы попадает в цель. Она не спрашивает: хорошие это стихи или плохие, есть у нее способности или нет и так далее — как обычно спрашивают начинающие поэты. Вопрос нацелен в самую точку: *живые стихи или мертвые?* Быть живой — главное свойство настоящей, «долгоиграющей» поэзии. Великий поэт не так уж сильно выделяется среди своих современников; наверняка среди них есть не менее образованные, умные, оригинальные и обладающие прекрасными душевными качествами люди. Разница лишь в том, что они не умеют превратить это в стихи, перелить себя в стихи. Их рука и перо не могут стать единым проводником, соединяющим мысль пишущего и бумагу. Только поэт обладает этим загадочным свойством — одушевлять столбики слов и наделять их самостоятельной жизнью — так, что они могут существовать и беседовать с нами многие десятилетия после того, как навсегда замрет написавшая их рука.

У колумбийского писателя Николаса Гомеса Давила есть замечательная фраза: *«Подлинные произведения искусства взрываются в стороне от своего времени, как снаряды, оставшиеся на поле боя»*. Это

как будто сказано про Эмили Дикинсон. Только разрыв этой бомбы был не разрушительным, а созидательным. Ныне город, в котором она жила, американцы называют родиной «затворницы из Амхерста», а ее дом стал музеем и местом паломничества тысяч туристов, ежегодно пополняющих казну горожан. Стихи Э. Дикинсон изучают в школах, о ней пишут ученые монографии и книги для детей.

Биографическая канва жизни поэтессы проста и хорошо известна. Семья Дикинсон занимала почтенное положение в своем маленьком городке в штате Массачусетс. Дед Эмили был одним из основателей Амхерстского колледжа, отец служил казначеем колледжа, одновременно занимаясь адвокатской практикой и политической деятельностью — однажды он даже избирался в Палату представителей Конгресса США. Выросшие дети не разлетелись из гнезда: старший брат Остин, женившись, жил в соседнем доме, младшая сестра Лавиния, как и Эмили, не вышла замуж.

Главным событием молодости Эмили стала дружба с адвокатом Бенджамином Ньютоном, проходившим практику в конторе ее отца. Он руководил ее чтением, учил восхищаться великой поэзией, понимать красоту и величие мира. В 1850 году он уехал из Амхерста, а три года спустя умер. Много позднее Дикинсон вспоминала: «Когда я была еще совсем девочкой, у меня был друг, учивший меня Бессмертию, — но он отважился подойти к нему слишком близко — и уже не вернулся».

В разлуке с Ньютоном у Эмили созрела мысль посвятить свою жизнь поэзии. Но после смерти старшего друга источник ее стихов пересох. Новое дыхание пришло в конце 1850-х годов, в разгар ее эписто-

лярного романа с женатым священником из Филадельфии Чарльзом Уодсвортом. Была ли это любовь, душевная привязанность или мистическая близость, ясно одно — это было чувство исключительной интенсивности. Оно породило настоящий творческий взрыв: подсчитано, что только за три года, с 1862-го по 1864-й, Эмили написала более семисот стихотворений.

В 1862 году случилось так, что Эмили Дикинсон завязала переписку с известным в Новой Англии литератором Томасом Хиггинсоном, сделавшимся на многие годы ее постоянным корреспондентом и «поэтическим наставником», а также издателем первого сборника ее стихов — но уже посмертного.

Слова «поэтический наставник» взяты в кавычки, потому что отношения поэтессы и критика были своеобразными: в каждом письме Эмили просила у Хиггинсона оценки и совета, называла себя смиренной ученицей, но ни разу не воспользовалась его советами и продолжала все делать по-своему. А он указывал на просчеты и огрехи в ее стихах: неправильные ритмы и рифмы, странную грамматику — на все то, что было индивидуальной, во многом новаторской манерой Дикинсон и что сумели в полной мере оценить лишь критики XX века.

Литературное наследие Эмили Дикинсон — около тысячи восьмисот стихотворений, по большей части найденных после ее смерти в комодке, а также три тома писем, причем многие из них не менее замечательны, чем ее стихи. Особенно интересны первые письма Томасу Хиггинсону, где она несколькими штрихами набрасывает свой портрет и рассказывает о себе главное.

Внешность:

«Я не вышла ростом, как мне кажется... Я маленькая, как птичка-красивчик, и волосы у меня грубые, как колючки на каштане, а глаза — как вишни на дне бокала, из которого гость выпил коктейль. Ну как?» (Когда через восемь лет Т. Хиггинсон заехал к ней в гости, он увидел перед собой «маленькую некрасивую женщину», — если верить тому, что он сообщил в письме жене, но ведь благоразумный муж и должен был написать «некрасивую» — во избежание семейных осложнений.)

О друзьях и занятиях:

«Вы спрашиваете о моих товарищах. Холмы, сэр, и Закаты, и пес — с меня ростом, — которого купил мне отец... Думаю, Карло понравился бы Вам — он храбрый и глупый... Когда я маленькой девочкой часто ходила в лес, мне говорили, что меня может укусить змея, что я могу сорвать ядовитый цветок или что гномы могут меня похитить, но я продолжала ходить в лес и не встречала там никого, кроме ангелов, которые меня стеснялись больше, чем я их...»

О своих стихах:

«Я не писала стихов — разве что одно или два до этой зимы, сэр. Я испытывала страх — начиная с сентября — и не могла никому рассказать об этом — и я пою, как мальчишка поет на кладбище, потому что боюсь...

Умирая, мой Учитель говорил, что хотел бы дожить до того времени, когда я стану поэтом, но Смерть оказалась сильнее, я не смогла совладать с ней. И когда много позже неожиданное освещение в саду или новый звук в шуме ветра вдруг захватывали мое внимание, меня сковывал паралич — только стихи освобождали от него...

Я счастлива быть Вашей ученицей и заслужу доброту, за которую пока не могу отплатить... Будете ли Вы указывать на мои ошибки — честно, как самому себе? Я не умру — только поморщусь от боли. К хирургу обращаются не за тем, чтобы он похвалил вашу кость, а чтобы вправил ее... Ведь я всего лишь кенгуру в чертогах Красоты...»¹

До двадцати пяти лет Эмили была обычной культурной барышней, ничем особенно не выделявшейся из своего круга; но чем глубже она погружалась в писание стихов, тем больше ее внутренний мир вытеснял внешний. С 1864 года она уже не покидала Амхерст, с 1870-х практически не выходила из дома. Одной из причин была болезненная стеснительность, следствие обостренной чувствительности, — она воспринимала все так остро, что прямой контакт с окружающим миром ранил ее. Другой причиной было сознательное самоограничение:

Кто так не жаждал — тот не знал
Безумия глубин —
Пир воздержания затмит
Пиры обычных вин.

Когда желанное у губ —
Но капли не испей —
Чтоб грубо не расторгла явь
Сверкающих цепей —

Да и к чему экипажи и поезда, если воображение
может гораздо больше?

Страницы книги — паруса,
Влекущие фрегат,

¹ Отрывки из писем Э. Дикинсон здесь и далее даются в переводе А. Гаврилова; стихи — в переводе автора статьи.

Стихи быстрее скакуна
В любую даль умчат...

Так постепенно она превращалась для соседей и знакомых в «эту странную мисс Дикинсон» — впрочем, неизменно доброжелательную к людям, но предпочитавшую жизнь добровольной затворницы. Нет, она не разорвала связей с миром, но они все более принимали эпистолярный характер. В числе друзей Эмили по переписке были ее кузины Луиза и Франсис Норкросс, редактор газеты «Спрингфилд рипабλικен» мистер Холланд и его жена Элизабет Холланд, блестящий журналист и соредактор той же газеты Сэмюэл Боулз, упомянутые уже Чарльз Уодсворт и Томас Хиггинсон, жена преподавателя Амхерстского колледжа миссис Мейбл Тодд, судья Отис Лорд (последняя любовь Эмили), а также жена брата Сюзен, жившая в соседнем доме, но постоянно получавшая от поэтессы записки и стихи.

Так что не нужно думать, что Эмили писала только «в стол», у нее был целый круг друзей, и она регулярно, начиная с 1860-х годов посылала им свои стихотворения, некоторые — сразу нескольким адресатам.

Здесь возникает неожиданная параллель с Джоном Донном, основоположником «метафизической школы»: он ведь тоже писал для узкого круга друзей и знакомых, стихи поэта были изданы через два года после его смерти.

Эмили Дикинсон не читала Донна (в то время почти забытого), она знала и любила лишь его позднего последователя Генри Воэна, тем не менее родство ее поэзии с «метафизической школой» прослеживается довольно четко. Например, склонность к неожиданным сравнениям и привлечение в стихи

материала естественных наук. У Донна это астрономия, география, медицина, алхимия, физика и цифрология. В стихах Дикинсон сходным образом встречаются и «электрический покой» (физика), и «карбонаты» (химия), и «экспонента дней» (математика), и специальные термины из астрономии и ботаники. Еще более важно, что у Дикинсон, как и у Донна, внимание сосредоточено на последних вопросах бытия — душа, смерть, бессмертие. Ее стихи о смерти по своему числу и концентрации могут соперничать с погребальными элегиями и «священными сонетами» поэта-священника.

Смерть, отопри Врата —
Впусти своих овец!
Скитаньям положи предел,
Усталости — конец.

Твоя Овчарня — ночь,
Озноб и тишина —
Невыносимо Ты близка —
Немыслимо нежна.

В ряде стихов Эмили Дикинсон, так же как у испанского поэта XVII века Хуана де ла Круса, происходит мистическое слияние Души в образе Невесты с ее возлюбленным Женихом. Воспринимать их можно в двух планах — как выражение земной любви и любви небесной, обращенной к Богу.

Титул божественный — мой!
Без аналога — Жена!
Императрица Голгофы —
Вот как я наречена!

Эти стихи 1862 года (и некоторые другие «новобрачные стихи» того же периода) обычно связыва-

ют с Чарльзом Уодсвортом, к которому Дикинсон испытывала нежную преданность. Но адресат здесь не важен, важна сама страсть — безудержная эманация любви, исходящая из одинокого женского сердца.

Что-то в этом накале чувства — всепоглощающего и затаенного, скованного «сверкающею цепью» самоограничения, — есть отчетливо монашеское. Кажется, примерно в середине 1860-х годов Дикинсон окончательно избрала свою добровольную схиму. В это же время она и начала носить простое белое платье — наряд, ставший неременной деталью образа затворницы из Амхерста.

А было это — видит Бог —
Торжественное дело —
Стать Непорочной Тайною —
Стать Женщиною в Белом —

Святое дело — бросить жизнь
В бездонную Пурпурность
И ждать — почти что Вечность — ждать —
Чтобы она — вернулась —

Пурпурный цвет у Дикинсон — цвет триумфа и славы. Она бесконечно сомневалась в себе, самоуничижалась, и все-таки сознание своей поэтической правоты не оставляло поэтессу. Недаром в ее предсмертной записке есть лишь два слова: «Called back».

«Отозвана».

Если отозвана, значит была призвана — значит, верила в свое призвание, послание. В то, что — говоря словами Марины Цветаевой — «моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Эмили Дикинсон сказала о том же иначе:

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
<i>Г. Кружков. Эмили Дикинсон — судьба и стихи</i>	7

СТИХОТВОРЕНИЯ

Природа

«Я знаю, на каком холме...»	26
«Вот все, что я вам дать могу...»	27
«Все заново шуршит, растет...»	28
«В такую пору — невзначай...»	29
«Поэты знают — есть в году...»	30
«Если я не доживу...»	31
«Приходи неспешно...»	32
«Я из Жемчужных Кружек пью...»	33
«Надежда — чудо в перьях...»	34
«Вот жизнь — скитаться, как Пчела...»	35
Лавочка лета	36
«Тем и тронула бедняжка...»	37
«Нечаянная Радость...»	38
⟨Гроза⟩	39
«За горстку крох не станет Дрозд...»	40
«У этих Неженек Земли...»	41

«Цеди по капле, как Пчела...»	42
«Сперва одним Перстом...»	43
«Лишь маленькая тварь...»	44
«На небе — клубы хмурых туч...»	45
«Природы постоянный двор...»	46
«В четыре с четвертью утра...»	47
«Жужжанье пчел умолкло...»	48
«У Ветра функции просты...»	49
«Летающий, как по рельсам, Шмель...»	50
«Сперва казалось — Дождь пошел...»	51
«Сентябрьский бакалавриат...»	52
«Как много значит миг для тех...»	53
«Думаю — Корни у Ветра морские...»	54
«Мышонок не заплатит вам...»	55
«Уютную свою...»	56
«Колодец — это кладезь тайн...»	57
«Цветок нас застает врасплох...»	59
⟨Колибри⟩	60
«За стеклом — в холодном блеске...»	61
«В воздушной, пышной Шапке...»	62
«Как счастлив Камешек убогий...»	63
«Чем дерево старей...»	64
«Луна, что бродит в небесах...»	65
«В своем морщинистом Плаще...»	66
«За трелью трель приносит Дрозд...»	67
«Космополиты Туч и Рощ...»	68
«Так обреченно под удар...»	69
«Как Пробка Пьяницу пьянит...»	70
«Не говорите мне про Лес...»	71
«В природе тысячи ладов...»	72
«Чтоб вышла степь цветущая...»	73

Человек

«Где мой кораблик — плывет ли вдаль...»	75
«Если горе — лишь предтеча...»	76
«Успех всего желанней...»	77
«Услышу невзначай: „Побег“...»	78
«Кораблик — маленький такой...»	79
«Я знаю — в Альпах есть гора...»	80
«Одну улыбку вашу, сэр...»	81
«Я знаю — Небо, как Шатер...»	82
«А было это — видит Бог...»	83
«Я — Никто! И ты — Никто?...»	84
«Свое божественное общество...»	85
«Как различаются они...»	86
«Бывает Зрелость двух родов...»	87
«Я Жизнь ощупала мою...»	88
«Мы привыкаем к темноте...»	89
«Есть обаянье властных Чар...»	90
«В Безумье скрыт высокий Ум...»	91
«Судьба — тот Домик без Дверей...»	92
«Наш Мир — не Завершение...»	93
«Я с Миром вышла воевать...»	94
«Неслыханному — верьте...»	95
«Душа — сама — свой друг...»	96
«Грозные гиганты...»	97
«Его швыряло и трясло...»	98
«Нетрудно Жизнь изобрести...»	99
«Игрушки бросив — угодить...»	100
«Не раз казалось мне — что я...»	101
«Драмы высшее мерило...»	102
«Печаль — Мышонок...»	103
«Кто в Сердце держит Царский Двор...»	104
«Покинуть свой привычный дом...»	105
«Душа, что с миром говорит...»	106

«Все невозможное пьянит...»	107
«Находка — в первом Акте...»	108
«Я видела — Рассвет вставал...»	109
«Души с Бессмертьем связь...»	110
«Благодарность — не мгновенный...»	111
«Это случилось средь снежной Зимы...»	112
«Познание — Гибель и Конец...»	113
«Все люди — тайна для меня...»	114
«Награды щедрой от судьбы...»	115
«Скажи всю Правду до конца...»	116
«Не понимает Человек...»	117
«Воспоминание — это дом...»	118
«Я стащу с себя чулки...»	119
«Мороз — летучий дух...»	120
«Учебный График Сентября...»	121
«Когда придется подметать...»	122
«Пустая Мозговая Кость...»	123
«Боялась, что оно придет...»	124
«Остаться вечно юным...»	125
«От бездны нитка не спасет...»	126
«Какие Домики в траве...»	127
«Отрадно с высоты смотреть...»	128
«Кто так не жаждал — тот не знал...»	129
«Был ум его — Индийский Шелк...»	130
«Звезда над полем — и Луна...»	131
«Конь времени замедлит бег...»	132
«Черт был бы лучшим другом...»	133
«Все, что мы тратим, тратит нас...»	134
«В этом маленьком Улье...»	135
«Квадрига Солнца не слышней...»	136
«Возьмите всё — оставьте глупый пыл...»	137
«Канавы Пьяному мила...»	138
«Земля — Эдем, где мы живем...»	139

«Я знаю многих мертвецов...»	140
«Вулкан мой весь оброс Травой...»	141
«Есть одиночество пустынь...»	142
«На летние часы...»	143
«Когда бы краткость жизни...»	144
«От Счастья я взяла Глоток...»	145
«И самый длинный Божий день...»	146
«Умчится Счастье — лишь мелькнет...»	147

Любовь

«Сердце, забудем его совсем...»	149
«Два раза я теряла все...»	150
«Всегда быть младшей из двоих...»	151
«Буйство Ночей!..»	152
«За шоком боли некий Транс находит...»	153
«Одна — отраднейшая — есть...»	154
«Как знать — без Одиночества...»	155
«Любить тебя весь Век?...»	156
«Я так хочу тебя любить...»	157
«Мне ненавидеть недосуг...»	158
«Шепни, что осенью придешь...»	159
«Мой — по высокому Праву Избранья!..»	160
«Костер нельзя задуть навек...»	161
«Я лучше вижу — в темноте...»	162
«Тот День, когда Ты похвалил меня...»	163
«Твердят, что время лечит...»	164
«Теперь — не важно — но потом...»	165
«Измениться? Если...»	166
«Столь низко пал — в моих глазах...»	167
«Я жду и напеваю...»	168
«Мы вырастаем из любви...»	169
«Любовь — древнее жизни...»	170
«Все забыв — могла я думать...»	171

«Желтый цвет Природа тратит...»	172
«Ты ль утолишь мой Appetit...»	173
«Не забудь мое Лицо...»	174
«Мы говорили друг с другом без слов...»	175
«Не нужно лестницы скворцам...»	176
«Аукцион разлуки...»	177
«Когда язык не сыщется Слов...»	178
«Ты до сих пор — во мне...»	179
«Могила — маленький мой дом...»	180
«Тебя утратить — слаще...»	181
«Так суд приговорил...»	182

Поэзия

«Вдохновенье — это выход...»	184
«Я сжала Аметист в руке...»	185
«Алмазы нынче редки...»	186
«Это — письмо, что я миру пишу...»	187
«Я умерла за Красоту...»	188
«Что мне Янтарь и Жемчуга...»	189
«Паук — сам из себя — прядет...»	190
«Мой Дом зовется — Может Быть...»	191
«Чтоб в Масло превратить...»	192
«Публикация — Продажа...»	193
«Никто меня не звал — на Бал...»	194
«Она ни знака не дала...»	195
«Грудь рассеките — птице певчей...»	196
«Когда Поэт зажжет Фонарь...»	197
«В компании высоких Звезд...»	198
«Не потревожь сей Клин Земли...»	199
«К чему Загадка — если...»	200
«Нагромоздить миры — как Гром...»	201
«Одна случайная строка...»	202
«Страницы книги — паруса...»	203

«Паук — художник красоты...»	204
«Вчерашний день — История...»	205
«Не дайте мне лучом Зари...»	206
«Ум чувствами живет...»	207
«Вглядеться в Летнюю Лазурь...»	208
«У Славы переменчив Нрав...»	209
«Хмель музыки — земной залог...»	210
«Когда находит эта дрожь...»	211
«„Иди поведай!“ — Что за Весть?...»	212
«Он ел бесценные Слова...»	213
«Попробуй Счастье Расскажи...»	214
«У ведьмы родословья нет...»	215

Смерть

«Есть наклон лучей особый...»	217
«Что если я не стану ждать...»	218
«Сквозь Школу Мрака — Школу Праха...»	219
«Жужжала Муха в тишине...»	220
«Все будет — так же, как всегда...»	221
«О долгий — долгий — скучный Сон...»	222
«Всего страшней не Смерть...»	223
«Все на свете поправимо...»	224
«Утратив все в краю родном...»	225
«Награды все стяжает Гроб...»	226
«О этот Образ дорогой...»	227
«Смерть — это разговор двоих...»	228
«Не всяк умерший молодым...»	229
«Распад — не моментальный Акт...»	230
«Что нам потребно в смертный час?...»	231
«Зола есть памятник Огню...»	232
«Смерть, отопри Врата...»	233
«От зимней Рамы — потянул...»	234
«Могила — истый Демократ...»	236

«Этот последний Шаг...»	237
«Хладно и нежно ее лицо...»	238
«Туманна переправа...»	239
«Из Мира в Вечность переход...»	240
«Смерть, как Древооточец...»	241
«Как Шар Воздушный рвется ввысь...»	242
«Кончалась дважды жизнь моя...»	243
«Туда — где Пчелам — светлый Рай...»	244

Бог

«Далеко Господь уводит...»	246
«Отец Всевышний!...»	247
«Время кончится — узнаю...»	248
«Там — за забором...»	249
«Я знаю, хрупок дом...»	250
«Знаю — Он есть...»	251
«Я на Земле не прижилась...»	252
«Всего две вещи мне нужны...»	253
«Осталось лишь молиться...»	255
«Закат — Лучом янтарным...»	256
«Мы вновь пошли вперед...»	257
«Жизнь подарить нетрудно...»	258
«Зачем так длинно Время...»	259
«Читаю я весь день...»	260
«Я не жила среди болот...»	261
«Твердят, что Небо лечит...»	262
«Что стоит наших мелких тайн...»	263
«Какой неверный, шаткий Мост...»	264
«Чтобы прилично зачинить...»	265
«Сколь крепкой Вечность предстает...»	266
«Не обрета Небес внизу...»	267
«Библия — Святая Книга...»	268
«Мы видим верх Волны...»	269

«Мы молим Бога об одном...»	270
«Тихо желтая звезда...»	271
«Для тонущего выплыть...»	272
<i>Г. Кружков. Заметки переводчика</i>	273
Алфавитный указатель стихотворений	293